

СВЕРДЛОВСК

ГОВОРЯТ, человек, который часто курит, много нервничает. Если это утверждение справедливо, то Вадим Николаев — один из самых нервных людей, какие встречались мне в жизни.

Вот он снова, не отрывая глаз от телевизора в кабинете, сминает сигарету на краю пепельницы и, набрав номер, вдруг неожиданно спокойно, с некоторой ехидцей говорит:

— Мне как-то казалось до сих пор, что крупный план — это зрительная кульминация сцены, а у тебя от этих кульминаций в глазах рябит... Извини, может, я неправ... Что? Возможно, прав? Ну, спасибо. И он снова закуривает, уставившись в телевизор.

Идет репетиция телепостановки. Главный режиссер Свердловского телевидения контролирует ее. Будни...

...Конечно же, бывают и праздники. Праздники души. Что для этого нужно?

Нужно не так уж много: чтобы интересно работалось над материалом, чтобы режиссер «попадал» в актерском распределении, чтобы репетиции начинались вовремя, чтобы постановочная часть не аварила с изготовлением декораций, чтобы...

А, может быть, праздник наступает тогда, когда видишь свою работу на «красной доске» в редакции? Или тогда, когда сын-студент не без некоторой покровительственности мимоходом обронит: «Видел я твой шедевр. Смотреть можно».

— Да нет, — говорит он, — праздник — это когда не скучно работать, не скучно жить.

Его жизнь не назовешь скучной...

Он учился в 1-й свердловской железнодорожной шко-

◆ КОЛЛЕКТИВНАЯ ПОВЕСТЬ «СВЕРДЛОВЧАНЕ»

НА СЛУЖБЕ У «ТВ»

ле. До восьмого класса был круглым отличником. Все шло гладко. Но разве можно было просто учиться, просто быть отличником, когда шла война и каждый стремился делать дело для своей страны?

И тогда он, не прекращая занятий в дневной школе, пошел на шарикоподшипниковый завод.

Монотонная работа на полуавтомате, из которого вылетали металлические кольца, не казалась ему скучной, он знал: эти кольца нужны для танков.

Как-то в город приехал с гастрольями Ленинградский Новый театр, эвакуированный в те годы в Нижний Тагил.

На предложение приятеля пойти на спектакль Вадим согласился не без некоторой снисходительности к предстоящему развлечению. Но вышел после «Мари Стюарт» Шиллера потрясенный. Это потрясение резко повернуло его судьбу. До сих пор, говоря об актерах, игравших в том спектакле, он называет их по имени-отчеству...

Он поступил в студию при театре и потом с каждым днем все более и более убеждался в том, что театр делает тоже свое большое дело для победы.

С этой новой убежденностью он, волнуясь и радуясь, играл перед ранеными, перед уходящими на фронт бойцами нехитрую свою первую профессиональную миниатюру — «Историю с географией».

...Вот он снова, не докурив и половины сигареты, ткнул ее в пепельницу, вскочил со стула и выбежал, не обратив внимания на надрывающийся телефон. Через несколько минут — он уже в другом корпусе, в студии, где идет репетиция.

— Слушай! Все очень просто: пусть они сидят здесь, а показывать их надо снизу. Тогда создастся полное ощущение того, что они едут в вагоне. Ты, — говорит он одному из актеров, — можешь даже побалтывать ногами. А ты, — обращается он к другому, — стань над ним. Мы тебя дадим крупником — будет убедительный план. Надо, чтобы все было культурно...

«Культурно». Это слово — одно из самых главных в его представлениях о том, каким должны быть человек, актер, постановка.

Этой привязанности учили его любимые педагоги. Ксения Владимировна Куракина наставляла: «Речь —

культурная, организованная речь — поднимает человека. Делает его умнее, лучше».

Но, пожалуй, больше всего почему-то запомнились уроки танца. Их вел старый «зубр» Христиан Христианович Кристерсон. Он учил танцу еще великих князей, но самыми благодарными его учениками оказались студенты театрального, многие из которых впоследствии стали «монархами» сцены: Н. Черкасов, Н. Симон, А. Райкин.

Семидесятилетний педагог любил повторять: «Главное у артиста — походка. В походке можно увидеть всего человека, по походке можно определить его характер».

Студенты улыбались, слушая эти наставления пожизненно влюбленного в свое дело человека, но слова эти запомнились на всю жизнь, и глубокий смысл этих слов познавался в ситуациях, далеких от балных, когда жизнь требовала работы, работы, работы.

...В жизни человека бывают взлеты, бывают головокружительные виражи, бывают и бешеные карьеры, и просто прогулки на автомобиле. Но чаще он передвигается пешком.

Вадим Николаев ходит быстро. И мало обращает внимания на окружающее, не озирается по сторонам. Его походка — походка целенаправленного человека.

Таков он в работе. Такова манера его режиссуры.

Одним из определяющих признаков ее стала привязанность к пьесе современной, пьесе о людях, которых можно было увидеть и узнать самому, при непосредственном общении.

В Пскове, затем в Алма-Ате, в Каменске-Уральском (где он впервые стал называться главным режиссером) он ставил «Твое личное дело» Ошанина, «Битву в пути» Николаевой, «В поисках радости» Розова...

Стремление постоянно общаться с современностью и решать проблемы сегодняшнего дня привело к появлению в творческом движении режиссера и самого главного,

определяющего качества — гражданственности.

Свердловчане хорошо помнят его постановку «Джо Хилл» Б. Дэвиса. В те годы (60-й) находились многие скептики, утверждавшие, что телевидение — жанр сугубо камерный, поскольку предусматривает общение со зрителем в его, зрительской, квартире.

Вадим Николаев тогда на Свердловском телевидении поставил энергичную, массовую, бесспорно публицистическую вещь. Эта постановка была признана одной из лучших в стране и удостоена Диплома Центрального телевидения.

За этим первым успехом последовал вскоре и второй — постановка на телевидении «Оптимистической трагедии».

А когда стали говорить о его пристрастии к «большим полотнам», он взял да и поставил совершенно камерную пьесу свердловчанина В. Балашова «Скрипка Гварнери», неоднократно показанную впоследствии Центральным телевидением.

...Сегодня, когда за плечами почти два десятилетия работы в телевизионной режиссуре (из них восемь лет — в качестве главного режиссера Свердловского телевидения), он «заболел» классикой — советской и русской.

В ноябре начинает он работу над четырехсерийной постановкой «Хлеба» Мамина-Сибиряка, а сегодня, в преддверии праздника 60-летия Великого Октября, он ведет репетиции телеспектакля по пьесе И. Прута «Броненосец «Мстислав Удалой» — о легендарных героях первых лет революции.

Я смотрю через окно, как он возвращается из студии в свой кабинет. Он опять торопится. И опять не смотрит по сторонам. Вот прибавил шаг, словно услышав, что в его кабинете вновь нетерпеливо зазвонил телефон...

Э. ПОЛЕССКИЙ.

На снимке: В. НИКОЛАЕВ.

199